

А. А. Мурвалян

Морфологическо-семантические общности армянского и грузинского языков*

Индоевропейцы предками армян считают арменов и стараются переселить их извне (из Европы), через Малую Азию в Армению в 7 или начале 6-го века до нашей эры.

Мы ничего не имеем против того, что могло произойти такое переселение (тем более, что об этом есть сведения в первоисточниках), но совершенно естественно, что эти переселившиеся армяне не являются теми хаями, которыми являемся мы в настоящее время.

Некоторые из ученых, даже ревностно защищающие теорию миграции, или прихода армян извне, так или иначе признают, что армянский этнос (как и его язык) образовался на месте (в Армении) с 7/6—3 века до нашей эры и „что предками армян были не только индоевропейское племя арменов, но и халды, и древнейшие местные племена урарту“.¹

Армянский народ и его язык действительно образовались на месте, и в этом образовании, безусловно, участвовало много местных народов (в тогдашнем понимании) и их языки путем проникания и скрещивания; в этом образовании, как известно, участвовали, с одной стороны, ныне уже вымершие народы и их языки [напр. урарты,

¹ А. Манандян, Критическое обозрение к истории армянского народа (т. I, Ереван, Армгосиздат, 1944 г., на арм. яз., стр. 34). Эта более передовая точка зрения по сравнению с той, согласно которой армянский народ и его язык считаются пришедшими извне, и что преобладающие в арм. языке „другие“ языковые элементы считаются лишь „заимствованными“.

* Эта статья представляет собой резюме моего труда: «Армяно-грузинские языковые встречи» (35 п. л.).

древнейшие доурартские племена Армянского Нагорья и неиндоевропейские обитатели Хайасы: хетты, предхетты, хуррийцы (харрийцы), или субарийцы и их языки и т. д., которые, как говорит Н. Марр, принадлежат к яфетическим, языки которых соплеменны древним кавказским языкам] и, с другой стороны, те местные (кавказские) живые и вымершие племена и их языки (киммерийские, скифские, сарматские и т. д.), которые, как известно, переместившись из Южной Руси или с Сев. Кавказа, утвердились в Армянском Нагорьи, или на севере исторической Армении¹.

Параллельно с образованием армянского народа и его языка должны были образоваться кавказские народы и их языки (грузины, чано-мегрелы, сваны и другие). Их образование должно было идти одновременно по пути, так сказать, взаимного столкновения, проникновения и естественного скрещивания армянского и грузинского языков, откуда и начинают образовываться армянские и грузинские общие языковые элементы.

Эти общие языковые элементы, прежде всего, связываются с тем периодом, когда после участия в образовании армян древнейших доурартских племен Армянского Нагорья и неиндоевропейских жителей Хайасы: хеттов, дохеттов, хуррийцев (харрийцев), или субарийцев, как и ряда других племен картвельского происхождения, проживающих на месте: макронов, колхов, месхов, тибаренов и других, путем этнического и языкового скрещивания возникает уже новая этническая группа—армяне. Дальнейшее передвижение армян к северу и востоку, а вместе с тем и новые языковые взаимные скрещивания и взаимосвязи, еще более способствуют развитию и обогащению общих элементов в армянском и грузинском языках.

Таким образом, армянская и грузинская языковые группы в процессе своего образования, с одной стороны, путем языковых скрещений, сосредоточили в себе те элементы предшествовавших языков, общие обоим языковым группам (имевшим третий источник) и, с другой стороны,

¹ В том же месте.

в том же процессе языковых скрещиваний обоих языков образовались новые общности (в этом случае общность не имела третьего источника), составляя, так сказать, общие яфетидо-картвело-армянские языковые элементы.

Эти общности в армянском и грузинском языках до того многочисленны, что они предусматривают длинный путь взаимных связей, взаимных проникновений, скрещиваний двух языковых групп. Эти общие элементы вообще не являются результатом заимствований или случайных встреч, как склонны думать многие. Морфологические общности армянских и грузинских языковых групп идут с глубокой древности, от скрещивавшихся с ними многочисленных местных языков. В пользу этой точки зрения говорят те общие формы и способы выявления языкового мышления и словотворчества, которые исследованы мною во второй книге¹. [См. введение к этой книге: б) *выявление общего языкового мышления в армянском и грузинском языках*].

После всего сказанного следует предполагать, что армены не являются предками армян, как считают некоторые исследователи, а, наоборот, предками армян являются те местные племена и „народности“, от взаимного скланивания и скрещивания которых образовались армянский народ и его язык. Исторический армянский язык не есть какой-либо „племенной“ язык; история меняет и языки и носителей языков. Таким образом, армянский язык, будучи языком нового качества, своей лексикой и способом словообразования, даже формами выявления языкового мышления, больше всего связывается, из числа сегодняшних живых языков, с языками кавказскими, именно с картвельской группой языков.

¹ Первой книгой является данный труд в двух частях. Вторая книга, над которой сейчас работаю, будет закончена в конце 1948 г.

Н. Я. Марр имел много поводов называть армянский и грузинский языки языками родственными [см. Введение к этой книге: а) *Родство закавказских языков*.] Этот тезис был выдвинут им в многочисленных трудах, в связи с тем или иным вопросом. Марром были вскрыты общие слои интересующих нас двух языков, которые шли с древнейших периодов. Вместе с тем, он доказал, что арм. язык не принадлежит к индоевропейским языкам, а своим доарийским (яфетическим) слоем родственен местным языкам и, главным образом, картвельской группе (грузинскому, мегрело-чанскому и сванскому).

Армянские и грузинские языки, как языки, принадлежащие к различным языковым группам, наравне с присущими им особенностями имеют и много общностей, которые возникли на месте, причем часть этих общностей перешла как от предшествовавших (вымерших), так и от современных, соседних (живых) языков и сохранилась в армянском и грузинском языках, а часть перешла от одного языка к другому, составляя, так сказать, яфетидо-картвело-армянские общие языковые элементы.

Эти общности состоят главным образом в наличии общих частиц в обоих языках, а также общих слов и корней. Поэтому, свой труд „морфологические общности армянского и грузинского языков“ (над которым я работал в 1944—1945 г. г.) соответственно материалу и обработке я разделил на две части, из которых первая посвящена армяно-грузинским морфемам и выявляет общие афиксы и флексии и т. д., а вторая охватывает общие слова и корни обоих языков.

Часть 1-я

При сравнении общих морфем и окончаний двух языков выясняется, что их основная часть прежде имела собирательное или множественное значение. Впоследствии эти частицы получили разные смысловые оттенки, а вместе с этим и различные формальные изменения, соответствующие звуковой закономерности различных языков.

Именно, в этом процессе показатели множественного числа имен обоих языков, как выясняется, перешли от имен к глаголам, давая им различные смысловые оттенки.

Происходя от имен, показатели множественного числа и в глагольных формах, прежде всего, непосредственно связываются с множественным числом объекта и субъекта, как предметов речи, затем с многократностью и повторностью действия, указанного глаголом (что, главным образом, связано с одним объектом или множеством однородных объектов) и, наконец, с продолженностью или интенсивностью действия.

Одна группа из общих яфетических морфем, которая сохранена в армянском и грузинском языках, такова: арм. *-шш, -пш, -ш* и груз. *-оо, -оо, -о*. В армянском языке морфемы *-шш, -пш, -ш* являются и в конце с прибавлением частицы *-ի*: так *-шш || -шш +ի, -пш || -пш +ի, -ш || -ш +ի*. Эти морфемы, как известно, выражали некогда в армянском языке (и по сей день выражают в некоторых армянских диалектах) множественное число, или собирательное понятие; так, например, множественное от слова *ճանկ* „дитя“ было как *ճանկոշ-f*, так и *ճանկ-ւի* „дети“; от слова *ծակ* „дыра“ — как *ծակ-f*, так и *ծակ-ւի* „дыры“; от слова *սկզբ* „кость“ — *սկզբ-f* и *սկզբ-սի* „кости“; от слова *փոր* „живот“ — *փոր-f* и *փոր-սի* „кишечник“; с частицей *-шш +ի* множественные формы сохранены главным образом в агулисском диалекте, например: *սրբի-սի-f* „старухи“, *զրզր-սի +բ* „морковь“, *կրք-բ-սի +բ* „бока“... и т. д.

Как выясняется, эти частицы множественного числа перешли от имен к глаголам во время образования последних, в виде *-шш +ի → -шш, -пш +ի → -пш, -ш +ի → -ш* и свое понятие множ. числа они выразили в глагольных формах в различных оттенках; так, например: *ծակ* означает „одна дыра“, *ծակ-ւի* „много дыр“, отсюда и глагольная форма *ծակ-ւ-ի* „открывать много дыр, продырявливать“; *սիսիս* „один кусок“, *սի-սի-սի-սի* „много кусков“ и отсюда *սիսի-սի-սի-ի* „разделить на много кусков“, или, как говорят, „разрывать на куски“; *փռ* „одна крошка“, *փռ-սի* „много крошек“, и отсюда *փռ-սի-ի* „сделать много крошек“, или „накрошить“; *կտր*

„один кусок“ (отрывок), *կտոր-աւի* „много кусков“ и отсюда *կտոր-աւ-ի* „разорвать на куски“.. По той же форме образовались и слова: *հնձ-ի* „скосить одну ниву“, но *հնձ-աւ-ի* означает „скосить все нивы“ (как бы „скашивать“); *շառ-ի* „зажечь огонь“, но *շառ-աւ-ի* „зажигать все огни“; *մորթ-ի* „зарезать (овцу...)“, но *մորթ-աւ-ի* „зарезать всех (овец...)“; *նստ-ի* „сидеть“, но *նստ-աւ-ի* „присаживание многих“; *սատկ-ի* „издохнуть“ (понятие для единичного), а *սատկ-աւ-ի* „издыхать“ (понятие множественного числа).. и т. д.

Таким образом суффиксы, *-աւ, -աւի, -ի*, являясь вообще показателями множественности, и в глагольных формах выражают понятие того же множества, в данном случае понятие „множества“ действия, которое часто выражается в повторении или в длительности действия. В том же значении в глагольных формах картвельских языков выступают частицы, морфологически эквивалентные армянским *-աւ, -ի* частицам груз.-*ოფ* и *ი*, которые, обыкновенно, в глагольных формах показывают продолжительность действия (в том числе и повторение); так, например: от грузинского глагола *მო-ღო-ბ* „идет“ через частицу *ოფ* глагольная форма: *მო-ღო-ოფ-ა* „шел“ (а также „каждый раз шел“); здесь действие начато и продолжается [(и следовательно, длительно), а в совершенном виде, где действие окончено, частица *ოფ* не встречается]. Так же от груз. глагола *წებ-ა* „ложится (в настоящем)—*წებ-ოფ-ა* „ложился (или „каждый раз ложился)“; *ქრებ-ა* „гаснет, тушится“, но *ქრებ-ოფ-ა* „потухал“ („каждый раз потухал“); *წოლღებ-ა* „краснеет“, а *წოლღებ-ოფ-ა* „краснел“ („каждый раз краснел“); *თლი-ბ* „тешет“, но *თლი-რ-ა* „тесал“ („каждый раз тесал“); *ღელავ-ბ* „волнуется“, но *ღელავ-რ-ა* „волновался“ („каждый раз волновался“) и т. д. (§§ 15—24,50).

Подобно частицам *-აւ, -აւი, -ი*, общи также частицы *-ան* (|| *ան+ի* || *-ხან>*) *-ხն* || *-ն*. Это также одни из общих множественных или собирательных частиц обоих языков, так, например: арм. *ձի-ան* = груз. *ცხენ-ბ-ი* „лошади“; арм. *իշ-ան* (|| *იշ-ხანი*) = груз. *ვარ-ბ-ი* „ослы“ (подобно тому, как *գլխ-ხანი* „головы“, *խոզ-ხანი* „свиньи“..); арм. *իծ-ան* „козы“ = груз. *თხ-ბ-ი* „козы“; арм. *ալագ-ანი+ի* = груз. *ხეც-*

-б-о „священники, попы“, арм. *կրօնի*-ի=груз. *ცეცხლ-ბ-ო* „огни“; арм. *սոսի-ան*-ի=груз. *სოფ-ბ-ო* „пословицы“... и т. д.

Эти самые множественные частицы перешли от имен к глаголам с различными смысловыми оттенками, так, например: груз. *დაღვარ-ბ-ა* „что-то пролил [он]“, но *დაღვარ-ბ-ა* „много чего пролил [он]“ (напр. *ცრემლ-ბ-ა* *დაღვარ-ბ-ა* „слезы пролил он“); *გაჭრ-ბ-ა* „что-то разрезал (он)“, но *გაჭრ-ბ-ა* „много чего разрезал (он)“; *გაშალ-ბ-ა* „что-то разостлал [он]“, но *გაშალ-ბ-ა* „много чего разостлал [он]... и т. д.

Здесь, как видим, в глагольных формах древнегрузинского языка, в значении множеств. числа выступает частица -б-. Та же частица в виде -ანი (|| -ն) выступает и в армянских глагольных формах, выражая понятие множественности, длительности действия, или переход одного состояния в другое. Так, например: *ծի* „лошадь“→*ծի-ան* „лошади“→*ծի-ան-ալ* „олошадеть“; *էշ* „осел“→*իշ-ան* „ослы“→*իշ-ան-ալ* „превратиться в осла“ (буквально „ослеть“); подобно этому *քար* „камень“→*քար-ան-ալ* „каменеть“; *մեծ* „большой, великий“→*մեծ-ան-ալ* „увеличиваться, расти“; *լի* „обильный“→*լի-ան-ալ* „стать обильным“; *աղքատ* „бедный“→*աղքատ-ան*-ի „бедные“→*աղքատ-ան-ալ* „беднеть“... и т. д.

Интересно, что в древнеармянском языке (грабаре) так-же есть параллельные формы одного и того-же глагола, причем вторая форма показывает более длительное действие, так, например: *ցանկ-ամ* || *ցանկ-ան-ամ* „желаю“, *տենչ-ամ* || *տենչ-ան-ամ* „тоскую“, *տենչ-ամ* || *տենչ-ան-ամ* „жажду“.. *գատ-եմ* || *գատ-ան-եմ* „делю“, *գրգ-եմ* || *գրգ-ան-եմ* „скучиваю“, *ստեղծ-եմ* || *ստեղծ-ան-եմ* „создаю“... и т. д. Это понятие длительности в основном слабо выражено. То же мы видим и в глагольных формах, перешедших из грабара в современный язык, где ныне произошло даже формальное изменение суффикса -ան > -ն. Так, напр., *հաս-ան-ել* > *հաս-ն-ել* „дойти“, *տես-ան-ել*→*տես-ն-ել* „видеть“, *գտ-ան-ել*→*գտ-ն-ել* „найти“ (или вовсе выпало: *հաս-ան-ել*→*հաս-ել* „резать“; *խաժ-ան-ել*→*խաժ-ել* „кусать“)... и т. д. Этот суффикс -ան || -ն встречается в таких формах

глагола (как, напр. в настоящем и прошедшем временах несовершенного вида), где действие не совершилось (начато, но не окончено, т. е. продолжается), но в совершенном виде он выпадает, как, например: *თხუ-აწ-აწ* „вижу“, *თხუ-აწ-აწ* „видел“, но *თხუ-აწ* „увидел“; *აწუ-აწ-აწ* „дохожу“, *აწუ-აწ-აწ* „доходил“, но *აწუ-აწ* „дошел“ и т. д.

Эти частицы *-აწ, -აწ, -აწ* встречаются и в конце определенных глагольных форм для выражения понятия множественности: так, например, груз. *აწ-აწ* означает „тешет“, а *აწ-აწ* „тешут“; *აწ-აწ* означает „бросает“, а *აწ-აწ* „бросают“; *აწ-აწ* означает „стелит“, а *აწ-აწ* „стелят“; *აწ-აწ* „зажигает“, а *აწ-აწ* „зажигают“; *აწ-აწ* „летит“, а *აწ-აწ* „летят“; *აწ-აწ* „купается“, а *აწ-აწ* „купаются“... и т. д. (§ § 34—36, 46, 48, 63, 64).

От имен к глаголам перешли также частицы *-აწ* || *-აწ* || *-აწ*... Показатель множественности: *-აწ*, отдельно в именах не выступает, а обыкновенно соединяется с другими частицами, например: множественное или собирательное число от слова *აწ* „нива“, когда-то было *აწ-აწ-აწ* „нивы“, подобно этому и: *აწ-აწ-აწ* „монастыри“, *აწ-აწ-აწ* „равнины“, *აწ-აწ-აწ* „гумна“... к их окончаниям может присоединиться другая множественная частица *-აწ*, как, например: *აწ-აწ-აწ+აწ* „нивы“, *აწ-აწ-აწ+აწ* „монастыри“... и т. д.

В слове *აწ-აწ-აწ+აწ* „нивы“ показатель множественности состоит из 3-х частей: 1-й показатель-აწ (который, как указано, в именах отдельно не употребляется), последние два показателя *-აწ+აწ > -აწ* (*> -აწ*)¹ употребляются и в отдельных именных формах множественного числа, например: *აწ* „женщина“, а *აწ-აწ* „женщины“; *აწ* „дама“, а *აწ-აწ* „дамы“; *აწ* „князь“, а *აწ-აწ* „князья“; *აწ* „господин“, а *აწ-აწ* „господа“... но без окончания *-აწ*, что, вероятно, есть результат последующего наращивания окончаний, мы бы имели *აწ-აწ* (*< *აწ-აწ || აწ-აწ+აწ* „женщины“), **აწ-აწ*, **აწ-აწ*... и т. д. (как, например, в форме *აწ-აწ*, от кото-

¹ Двугласная (дифтонг) *აწ > აწ* (*აწ > აწ*) обыкновенно упрощена в народном употреблении.

рой впоследствии через присоединение частицы *-f* образовалось *qʰwʰ+pr+wʰ* - *p* „монастыри“)... Следовательно, можно предположить, что и частица *-pr* могла употребляться в именах отдельно, так как она употребляется отдельно и в глаголах.

Так, например: от глагола *hʷwʷ-hʷ* „связать“ мы имеем *hʷwʷ-hʷ-hʷ* „связывать“ → *hʷwʷ-hʷ-wʰ-hʷ*, но параллельно с этим также *hʷwʷ-hʷ-pr-hʷ* в смысле „связывать много раз“; от глагола *hʷwʷ-hʷ* „чертить“ *hʷwʷ-dʷ-hʷ* „исчерчивать“ → *hʷwʷ-dʷ-wʰ-hʷ*, а также *hʷwʷ-dʷ-pr-hʷ* в смысле „исчерчивать много раз“; как и *hʷrʰwʷ-hʷ* „починить“ → *hʷrʰwʷ-wʰ-hʷ* и *hʷrʰwʷ-pr-hʷ* „чинить“, или „чинить много раз“; *hʷwʷ-hʷ* „скирдовать“ → *hʷwʷ-wʰ-hʷ* и *hʷwʷ-pr-hʷ* „сделать много скирдов“; *hʷwʷ-hʷ* „покрыться волдырями“ → *hʷwʷ-wʰ-hʷ* и *hʷwʷ-pr-hʷ* „покрываться волдырями много раз“; *hʷwʷ-hʷ* „лизать“ → *hʷwʷ-wʰ-hʷ* и *hʷwʷ-pr-hʷ* „облизывать“... и т. д.

Из именных показателей множественности известна частица *-hʷr*, напр.; *hʷr-hʷr* „ослы“, *hʷwʰ-hʷr* „слова“, *qʰwʰ-hʷr* „монастыри“, „монахи“... От упрощения этой частицы в диалектах имеем: *-hr* || *-wr* || *-fr*; например: множественная форма в древнеармянском языке *hʷwʰ-hʷr* в одном наречии (а также в новом литературном арм. языке) выразилось в форме *hʷwʰ-hʷr*, в другом наречии в форме *hʷwʰ-wʰr* (как, например, в агулисском наречии сравн. *hʷwʰ-wʰr* „дома“, *hʷwʰ-wʰr* „собаки“, *hʷwʰ-wʰr* множеств. число от слова „хлеб“...), а в третьем наречии в форме *hʷwʰ-fr*.

Эта последняя частица *-fr* перешла, по-моему, от имен к глаголам с обычным переходом *-fr* > *-r*; так, например, от слова *qʰwʰwʰ* → *qʰwʰwʰ* „шар“ *qʰwʰ-hʷ* и *qʰwʰ-pr-hʷ* (от формы **qʰwʰ-fr-hʷ*) в смысле „сильно округлить“; от слова *qʰwʰwʰ* „ласка“ *qʰwʰwʰ-pr-hʷ* (от формы **qʰwʰwʰ-fr-hʷ*) „уговорить любовью и лаской“; от слова *hʷwʰwʰ* „гной“ *hʷwʰwʰ-pr-hʷ* (от формы **hʷwʰwʰ-fr-hʷ*) „сильное нагноение раны“; от слова *hʷwʰwʰ* „туча“ *hʷwʰwʰ-pr-hʷ* (от формы **hʷwʰwʰ-fr-hʷ*) „покрыться тучами“... и т. д.

Из этих общих частиц, частица *-wr* является показателем множественного числа в сванском языке и образует множеств. формы имен. Она тоже (в сванском языке) пе-

перешла от имен к глаголам и в последних показывает множественность объекта, частоту и усиление действия, так, например: из сванских глаголов—глагол ლოჳზ-ჲ означает „пускать что-то“, а ლოჳზ-ღრ-ჲ „пропускать многое, много чего“; ლობზ-ი означает „отправить что-нибудь“, а ლობზ-ღრ-ჲ „отправить много чего“... и т. д.¹ (§§ 25—33).

Подобные явления можем встретить также и в других кавказских языках, например, в тапантерском наречии абхазского языка, в словах, относящихся к классу людей, в основном, встречается множ. частица ც'(ა) которая, по моему, своим происхождением должна быть тождественна множ. частицам арм. -ք и груз. -თ, например: множеств. от слова აწავ „ученик“ აწავ-ც'ა „ученики“, от слова აძღაბ „девочка“ აძღაბ-ც'ა „девочки“, от слова აგ'ლა „сосед“, აგ'ლა-ც'ა „соседи“... и т. д. Эта самая множеств. частица от имен перешла к глаголам, в том же понятии множества, так, например: абхазск. უპალა-ხატ означает „ты отяжелел“, а с множ. частицей-ც'(ა): უპალა-ც'ა-ხატ „ты сильно отяжелел“; ჟახ-ბ означает „он обиделся“, ჟახ-ც'ა-ბ „он сильно обиделся“... подобно этому и через абхазскую частицу -ძ(ა) (груз. -რ=арм. -ւ): რა-ძა-ღიმთ „ты много спал“... и т. д.²

Можно привести много подобных примеров и из других кавказских языков, но и вышеприведенных достаточно для выявления общих именных показателей множественности и их перехода из имен в глаголы в армянском и кавказских языках.

Таких общностей немало; немало также и тех общих частиц, которые перешли от имен к глаголам в процессе их образования. Это показывает ту тесную связь, которая ранее существовала между именами и глаголами, т. е. между предметами и связанными с ними действиями, ко-

¹ Эти сванские примеры привожу из книги Н. Марра „К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических“ 1912 стр. 15—16, где это явление отметил Н. Марр в сванском языке.

² Эти абхазские примеры привожу из отдельной книги К. Ломтаидзе (ქეთ. ლომთაიძე, აბხაზური ენის ტაბანტური დიალექტი, თბილისი, 1944, стр. 189 и 74—75—76).

торые и по сей день пережиточно сохранены в различных тлагольных формах кавказских языков. Этими пережитками древних языковых явлений не в меньшей мере богат и армянский язык.

Здесь приведем еще одну частицу; так, например, показатель множественного числа в абхазском языке, принадлежащий к классу неразумных существ и вещей, является $\dot{\text{f}}'(\text{а})$, которая соответствует арм. множеств. частице -f. Так, например: множеств. от абхазского слова $\text{а}'\text{м}'\text{а}\text{л}'\text{а}$ „дерево“ — $\text{а}'\text{м}'\text{а}\text{л}'\text{а}-\dot{\text{f}}'\text{а}$ „деревья“, от слова $\text{а}'\text{л}'\text{а}$ „лошадь“ — $\text{а}'\text{л}'\text{а}-\dot{\text{f}}'\text{а}$ „лошади“; от слова $\text{а}'\text{к}'\text{т}'\text{у}'$ „курица“ — $\text{а}'\text{к}'\text{т}'\text{у}'-\dot{\text{f}}'\text{а}$ „куры“...

Эта общая частица -j' в армянском языке от имен перешла к глаголам. Так, например: от слова ձայն "голос, крик" ձայն-ք "голоса, крики", от которого ձայն-ք-իլ "голосить, кричать"; от формы ընդ-ալլ → դիլ "бред" → դիլ-ք (← ընդ-ալլ-ք "бредни") → դիլ-ք-իլ "бредить"; от формы հարց "вопрос" հարց-անք + ք "вопросы" → հարց-անք-իլ ←* հարց-անք + ք-իլ "вопрошать, расспрашивать"; от формы ծեծ "побой" → ծեծ-ք-իլ "побить", а также ճղ-իլ "рвать" → ճղ-ք-իլ (|| ճղ-ք-իլ) "разрывать"... и т. д. все они выражают понятие "многого".

Такие переходы совершили в армянском языке и другие частицы (§ 44,45,51), морфологические эквиваленты которых безусловно существуют в кавказских языках, но они мною пока не обнаружены.

Различные именные частицы (какого бы происхождения они ни были) встречаются одновременно и в глагольных формах (со своеобразными изменениями). К таким частицам принадлежат, напр.: арм. *-shir* || *-shir*, *-pir* || *-pir*, *-shir* || *-shir* || *-pir*, *-pir* (|| *-shir* > *-shir* || *-pir* >) || *-r* || *-a* || *-l* || *-2*, *-shir* || *-shir* (|| *-shir* > *-shir*) || *-ir*, *-ir* || *-ir* || *-r*, *-pir* || *-pir* || *-ir*, и т. д. Их первоначальное значение, которое сохранилось до сих пор в именах существительных, заключалось в выражении понятия множества. С этой стороны глагольные суффиксы, прежде всего, показывают множественное число, множественность действующего лица (субъекта) или объекта (косвенного объекта), как предметов; затем действие на многие части объекта, или вообще повторение

действия, а также длительность (интенсивность) действия... и т. д.

Множественные окончания арм. языка, как в именах, так и в глагольных формах, не выступают отдельно. Обычно для выражения множеств. числа соединяется несколько суффиксов, так, например: $(\cdot p + m >)$ - $p m$ || - $m m$ || - $z m$, $(\cdot m + + n p >)$ $m n p$, $(\cdot n l r + m >)$ - $q m$, $(\cdot n l r + p + m >)$ - $q p m$ || $q n m$, $(\cdot p + + h r + m >)$ - $f b m$, $(\cdot n l r + v + p + m >)$ - $q h p m$... и т. д.

Эти показатели множественного числа от конкретного понятия множественности в глагольных формах переходят часто к понятию множества действия и продолжительности, т. е. от понятия множественности имен к понятию модальности действия, например, от корня $\Delta h q$ „длинный“ мы в арм. языке имеем глагол $\Delta q - b l$ „тянуть“, встарину это означало „тянуть, удлинить, стлать, кидать“ (по арм. словарю $U. n. \Delta b n \bar{u}$), а отсюда с множ. частицей $-m$ форма $\Delta q - m - b l$ „тянуть, удлинить, увеличить, или кидаться, удлиняться, простираться, попытаться, ломить“ (по арм. словарю $U. n. \Delta b n \bar{u}$). Но теперь эти глаголы: $\Delta q b l$ „тянуть“ и $\Delta q m b l$ „стремиться“ (от которого и $\Delta q m n l d$ „стремление“) выступают как отдельные слова с различными значениями: $\Delta q b l$ „тянуть“ и $\Delta q m b l$ „стремиться“. Подобно этому и глагольные формы: $h r \Delta - b l$ „скрежетать“ и $h r \Delta - m - b l$ „скрежетать, точить, нить, жевать, есть“ (по арм. слов. $U. n. \Delta b n \bar{u}$); $p h q - b l$ „резать, ломать, рвать, тормозить, сломить силу, гнуть“ и $p h q - m - b l$ „ломать со всех сторон—обламывать“ (по арм. словарю $U. n. \Delta b n \bar{u}$), или же $h \delta - b l$ „кусать“ и $h r \delta - b l$ „грызть“ от формы $*h \delta - p - b l$ через перестановку частицы $-p$ (срав. $\Delta r q - b l$ „рвать“* $\rightarrow \Delta q - p - b l > \Delta r q - b l$ „разрывать“ в карабахском наречии); $m n q - b l$ „рвать“ и $m n q - m - b l$ „обдирать, эксплуатировать“, от формы $*m n q - b l < *m n q - p - b l$... и т. д. (§§ 81, 50, 31).

Не только в глагольных формах, но и в именах показатели множественности часто являются словообразовательными частицами. К показателям множественного числа принадлежат, например: $-w \bar{b}$ и $-f$. С окончанием $-w \bar{b}$ мы имеем множественные формы; как, например, $\Delta h - w \bar{b}$ „лошади“, $h_2 - w \bar{b}$ „ослы“, $h \delta - w \bar{b}$ „козы“... и т. д. А частица $-p$ одна из обычных частиц грабара, так, например: $q h - q m g h - f$

„крестьяне“, $\delta p-f$ „лошади“, $wnu-f$ „дома“... и т. д. Соединением этих двух частей: $wnu+f$ получается сложная частица $-wnuf$ ($> -wuf$), что часто встречается в армянском языке, так, напр. мы имеем множественные формы в словах $qbu-wu+f$ „селения“, $hu-wu+f$ „ослы“, $wbu-wu+f$ „места“, $\delta p-wu+f$ „лошади“, $lu-wu+f$ „блохи“, $ru-wu+f$ „лекарства“ (по арм. сл. *Առձեռն*)... и т. д. Эта сложная множественная частица $-wnuf$ (как и все другие множеств. частицы) является словообразовательной частицей и образует новые слова, например: от слова wbu „место“ мы имеем $wbu-wu+f$, что встарину означало „места“ (по арм. сл. *Առձեռն* *wbu*, *wbuwu*) с значением множественного). Так, например, в различных смыслах употребляются теперь слова wu „дно“ и $wu-wu$ „осадок“, fu „опыт“ и $fu-wu$ „беда“, du „голый“ и $du-wu$ „голизна, срам“, su „шкура“ и $su-wu$ „сдирать шкуру“ (по арм. словарю *Առձեռն*); qu „лишенный“ и $qu-wu$ „лишение, нужда, недостаток“ и т. д. (§§ 44, 46).

Через частицу $-nu$ также составились множественные формы в арм. языке, как, например: от слова nu „кость“ $\rightarrow nu-nu$ „кости“, а от слова fu „живот“ $fu-nu$ должно было означать „животы“, но благодаря множ. частице $-nu$ получает другой смысловой оттенок и показывает „внутренности живота, кишки, середина“ (по арм. словарю *Առձեռն*); подобно этому: du „мертвец“ и $du-nu$ „мертвецы, мертвечина“, du „дыра“ и $du-nu$ „дыры“, pu „пустой“ и $pu-nu$ „напрасный“, gu „тряска“ и $gu-nu$ „лохмотья“ и т. д.

В различных оттенках смысла выступают одни и те же слова: wu ($\parallel wu-wu$) „глаз“ и $wu-wu+f$ „устье“, fu „рука“ и $fu-f$ „рукав“, ku „назад“ и $ku-f$ „след“, pu „извилистый“ и $pu-f$ „извилизна“ (но и $pu-wu$, от которого и $pu-wu+f$ „круг, кругом, со всех сторон, весь свет“ (по арм. словарю *Առձեռն*), а также от груз. слова o „голова“ через множ. частицу $-b$: $o-b$ „капитал“, но то же самое слово через частицу $-o$: $o-o$ „глава, князь“... и т. д.

Таким образом, показатели множественности могут служить также словообразовательными частицами¹.

С этой точки зрения очень интересны взаимные смысловые переходы двух общих языков, т. е. то непрерывное движение их содержания, во время которого множествен. частицы от понятия множественности переходят к другим атрибутивным понятиям, отрицая, таким образом, свое первоначальное значение.

Подобных примеров немало; известно, что в армянском языке понятие множественности выражалось также частицами -*աի* || -*ան*, как, например, от слова *գլու* „голова“ *գլա-աի* || *գլա-ան* „головы“ (последнее, напр., в форме *գորա-գլա-ան* „полководцы“), а также *գիր* „письмо“, а *գր-ան* „письма, бумаги“; *էջ* „осел“, а *իջ-ան* (|| *իջ-ան*) „ослы“; *խոզ* „свинья“, а *խոզ-ան* „свиньи“; *մոզ* „волхв“, а *մոզ-ան* „волхвы“; *հանձ* „муха“, а *հանձ-ան* „мухи“... и т. д.

Эта частица -*ան*, которая, несомненно, тождественна той же частице в картвельских языках, от показателя множеств. числа перешла в словообразовательную частицу, так, например, *փող-ան* означает „деньги“ и „стволы“, но слово *երկփող-ան* (как, например, в выражении *երկփող-ան հրացան* „двухствольное ружье“) || *երկփող-ան* = груз. *ორსულ-ობ-ი* означает „(ружье), имеющее два ствола“, так, наприм., *գլա-ան* || *գլա-ան* означает „головы“, но *յոթգլա-ան* || *յոթ-գլա-ան* (напр., в выражении *եօթգլա-ան* || *եօթգլա-ան* *դև* „семиголовый дракон“) = груз. *შვიდი-თ-ი* означает „(что-то), имеющее семь голов“; *նათ-ան* || *ნათ-ან* означает „ветви, ветки“ (мн. ч.), но *բազմნათ-ან* || *բაզմნათ-ან* = груз. *მრავალტო-ობ-ი* „(что-то), имеющее много ветвей“ (скажем, дерево); *ჭაղჩ-ან* || *ჭაղჩ-ან* = груз. *ყვავილ-ობ-ი* означает,

¹ В процессе перехода множеств. частиц в словообразовательные происходит, по-моему, сначала переход понятия множественности (или множества отдельных друг от друга предметов) к собирательному понятию (или к единству), а затем, естественно, собирательная частица переходит в словообразовательную, т. е. образуется новое слово как единство более чем одного предметов. Поэтому те множествен. частицы, которые не перешли к собирательному значению, не могут служить частицами словообразования, каковы множеств. частицы современного армянского литературного языка -*ի* и -*ան* и т. д.

во-первых, „цветы“ (мн. ч.), а затем „содержащее цветы“, или „(что-то), имеющее цветы“ (как свойство)... и т. д., как это мы наблюдаем в других частицах множественного числа [(напр., от слова *աչ-նի* „глаза“ мы имеем *սևաչ-նի* (в выражении *սևաչնի աղջիկ* „черноглазая девица“), что означает „имеющая черные глаза“, от слова *բնք-նի* „брови“ *կենքնք-նի* (напр., в выражении *կենքնք-նի աղջիկ* „девица с дугообразными бровями“); от слова *դռ-նի* „двери“ *լինդռ-նի* (напр. в выражении *լինդռնի շենք* „широкоdoorное здание“) и т. д. (§§ 47, 48, 50, 51)].

Арм. частица *-իսի* и груз. *-ობ* вместе со смысловым переходом совершили и формальную перемену, так, например, от слова *ծաղիկ* „цветок“ → *ծաղկ-իսի* „цветы“ → *ծաղկ-իսի-փռնի* „букет цветов“, от которого сначала *ծաղկ-իսի-փռնի*, а затем *ծաղկ-ի-փռնի* (с переходом: *-իսի > -իս > -ի*). Подобно этому и *վարդ* „роза“ → *վարդ-իսի* „розы“ → *վարդ-իսի-փռնի* „букет роз“, от которого сначала *վարդ-իսի-փռնի*, а затем *վարդ-ի-փռնի*, как и *բուրդ* „шерсть“ → *բուրդ-իսի* много „шерсти“ (мн. ч.) → *բուրդ-ի* „шерстяной“... и т. д.

Эта фонетическая перемена свойственна только арм. языку; та же частица *-ობ* в груз. языке подвергается другому изменению: во-первых, она теряет с конца звук *ბ* и превращается в *-ო* и затем эта самая частица, как двугласная (дифтонг), упрощаясь дает *-ო*, как, напр., груз. *თვ-ობ-ო* „головы, головастый“ превращается сначала в *თვ-ო* (напр. *დიდი-თვ-ო* „большоголовый, толстоголовый“), а затем в *თვ-ო* (напр. *შვიდი-თვ-ო* „(некто) семиголовое“)... и т. д. (§ 37).

Таким образом арм. част. *-իսի* и груз. *-ობ*, имеющие общий источник происхождения, переходя от понятия множественности к атрибутивному, изменили свою первоначальную форму и стали совершенно непохожими друг на друга: арм. частица *-ի*, которая происходит от формы *-իս < -իսი*, действительно, непохожа на груз. частицу *-ო*, которая также происходит от общей частицы *-ობ*. Как видим, один и тот же результат скрещения предыдущих языков в обоих языках претерпел формальные

изменения соответственно звуковой закономерности этим языков (§§ 46—48, 51, 37—38).

Результатом сильных изменений формы нужно считать также некоторые причастные окончания, так, напр. **[wpu-bwr = [wpu-bwɪ] > [wpu-bɪ]* „говорить“ (с переходом *-bwr > -bwɪ > -bɪ*, §§ 40, 49); *[ɸɪ-wɪp || ɸɪ-wɪð]* „разрушенный“; *[wɪwɪð-wɪp || wɪwɪð-wɪð]* „обожженный“ (с переходом *-wɪp > -wɪð*, §§ 96-100).

Частицы множ. числа выявились также и в названиях мест (топонимических названиях), которые обычно показывали сперва множеств. число того или иного предмета, а затем местность, богатую тем или иным предметом: как, например, *ṣwɪðɪ-f* сперва означало „грушевые деревья“, а затем „местность, богатую грушевыми деревьями“, подобно этому *ʔwɪð-f || ʔwɪð-bɪ* (*|| ɸwɪð-nɪw*) „хлеба“, *Ujɪr-f || Ujɪr-bɪ* (*|| wjɪr-nɪw*) „пещеры“ и т. д. (§§ 101—110).

В обоих языках с окончанием *-wɪ* сохранились определенные топонимические названия (в грузинском сравнит. больше), в которых общая частица *-wɪ* уже окаменела (т. е. не образует новых слов). Но когда ее сопоставляем с другими эквивалентными частицами (как, напр, груз. *oɟɪ-ɟo-o || oɟɪ-ɟɜ-o* = арм. *թիղի-f*), видим, что и эта частица, подобно другим, сперва, обычно, показывала мн. число „(какого-либо) предмета“, а затем „местность, богатую этим предметом“. Так, напр., *ʔwɪð-wɪ* сперва понималось „вязи“, а затем „место, богатое вязями“; слово *Prɪwɪ-wɪ* сперва означало „черви“, а затем „место, богатое червями“, слово *ɸɪ-wɪ* сперва „камни“, а затем „место, богатое камнями“, подобно этому и другие названия мест [как от нарицательных имен *wɪ-nɪ*, *ɸwɪ-nɪ* сперва означали „глаза“, „брови“, а затем, имеющий „глаза“, „брови“ (напр., в выражении *wɪwɪð-wɪ ɸwɪɪɪ* „черноокая девица“].

Этот смысловой переход, в конечном счете, является тем же, что и функция творительного падежа, которая, исходя из понятия множественности, по-моему, сначала, выражала атрибут предмета, а затем понятие действия этим предметом, так, напр., *wɪwɪð-wɪ* сперва означало „черные глаза“, а затем (некто) „с черными глазами“ (пред-

положим: мальчик, девочка, женщина, мужчина), подобно этому: *шлр^нр-нр* сперва означало „черные брови“, а затем „чернобровая“ (атрибут); *шр^нр^нр-нр* сперва означало „розовые уста“, а затем „с розовыми устами“... или же *чл^н-шнр* сперва означало „головы“, а затем „с головами“ (имеющий головы); *нн-шнр* означало „нога“, а затем „с ногами“; *шр^нр-шнр* означало „этажи“, а затем „с этажами“ (имеющий этажи); подобно этому: *р^нл^н-ш* раньше означало „вязы“, затем „место покрытое вязами“; *лр^нл^н-ш* „черви“, затем „с червями“; *л^н-ш* сперва „камни“, затем „с камнями“... и т. д.

Этот переход смысла в древ. армянском языке полностью совершила частица *-ш* (вместе со своими *-л^н-, -р^н-, -н^н* разновидностями) и в грабаре является, как оформившийся признак творительного падежа, так, напр., *р^нш^нр-ш* (= *р^нш^нр-н^н*) „с городом“; *ш^нл^нш^н-ш* „с титаном“... и т. д. Их множеств. число уже составилось через прибавление новой множ. частицы, напр.: *р^нш^нр-ш + f* „с городами“, *ш^нл^нш^н-ш + f* „с титанами“... и т. д.

Однако, в грузинском языке не произошло такого перехода, поэтому общая частица *-ш* (и ее эквиваленты: *-л^н-, -р^н-, -н^н*) там сохранилась в большем количестве слов (в первоначальном собирательном или множественном значении, §§ 55—62), которые выступают, главным образом, в неразрывной связи с частицей *-ш^н*, так, напр., груз.-*мз-зб* = арм. *-н^н + р^н* || *-н^н + н^н* (|| *-н^н + р*)...

Из интересующих нас словообразовательных частиц некоторые подвергаются таким морфологическим и семантическим изменениям и так слиты с бывшими корнями, что иногда трудно их отделить, так, напр., *л^нш^н-ш^н* „меси-во“, *л^нш^н-ш^н* „глина“, *л^нш^н-ш^н* || *л^нш^н-л^н* „трава“... и т. д. (§§ 89—95), или же они изнашивались и совершенно отпадали, так, напр., от формы *л^нр^н < л^нр^н-р* || *л^нр^н-л^н < л^нл^нр^н-ш^н* (+ *р*) „семь“: *л^нр^н < л^нр^н-р* || *л^нр^н-л^н < л^нр^н-л^н* (+ *р*) „вол“... и т. д. (§§ 65—78).

Понятие множественного выражали также арм. частица *-g* = груз. *-м*, которые, главным образом, сохранены в родительном падеже в др. арм. и др. груз. языках, как, напр.,

ჟრღჳს-ი-გ=груз. გლეხ-თ-ა „крестьян“, арм. ն-ի-ց-ա=груз.-
 მ-თ „их“; арм. Մարիամ-ան+ց=груз. მარიამ-ბ-თ „марьян-
 ских“... и т. д. Эта частица не была первоначально связана
 с родит. падежом, ибо на груз. языке и до сего времени
 встречается в некоторых глагольных формах, как, напр.,
 ვლო „тешу“, но ვლო-თ „тешим“; ვწერ „пишу“, но ვწერ-თ
 „пишем“; ვრთავ „пряду“, но ვრთავ-თ „рядем“... и т. д.
 (§§ 107, 108).

Из общих падежных окончаний обоих языков можем
 взять напр., арм. -ից=груз. -თ, оба окончания исходного
 (բացառական) падежа, так, напр. арм. քաղաք-ից=груз.
 ქალაქ-ით „из города“... и т. д. (§ 124).

Благодаря смысловым переходам отдельные, незави-
 симые слова, в той или иной мере, теряя самостоятель-
 ность, постепенно превращаются сперва в вспомогательные
 слова, а затем в частицы и суффиксы, напр., арм. պիտի
 „надо, должно“, как самостоятельное слово сперва даже
 склонялось, как, напр., պիտի-ւ „я должен“, պիտի-ւ „ты
 должен“, պիտի „он должен“... затем это явилось сперва
 как вспомогательное слово рядом с другим словом (=гла-
 голом), напр., в выражении պիտի տես, а потом сокра-
 щаясь превратилось в частицы տի-→տը, например (պիտի
 տես) > տի-տես > տը-տես:

Подобно этому и частица կիչ, которая встречается
 рядом с глагольной формой (наприм. կիչ-տես „даю, дам“),
 как когда-то существовавшее вспомогательное слово, это,
 как я думаю, сродно картвельской (чано-мегрельской)
 однозначной частице ჟბ || ჟ, которая, как известно, проис-
 ходит от независимого слова თუბ „нужно“ (обыкновенным
 падением первоначального звука თ после глагола, оканчи-
 вающегося гласной буквой в чано-мегрельском языке¹),
 как, напр., от чан. ბ-ზუბო-ჟბ < *ბ-ზუბო-თუბ „должен ме-
 рить“=арм. չափեն-կիչ (> չափեն-կիւ > չափեն-կը) или

¹ Тем более, что падение начального звука н есть и в арм. яз.,
 как, напр., с переходом ոչ > չ «не», ոչ է > չէ «нет», ոչ-ի ոչ >
 չի ոչ = *չի ոչ-ին > չի ոչ „ничтожный“... и т. д. (а также падение ու,
 ուղարկել > արկել „посылать“...).

чан. ծնցմ-ո-ոյրն < *ծնցմ-ո-ոյրն „должен был мерить“ = арм. չափեր-կոյ (> չափեր-կոյ > չափեր-կր)... и т. д.

Частица կոն > կոյ (с переходом օ > յ, срав. գութան > գութայ „плуг“, բաղադանք > բաղադայք „сплетня“, ծաղկ-հանք > ծաղկ-հայ „цветистый“, ասպուղան > ասպուղայ „сорт на-горного цветка“... и т. д.), как фонетически измененная форма некогда независимого слова (սկոն „должен“), с точки зрения синтаксиса должна быть свободной: она могла выступить и в конце и в начале глагола, поэтому эта частица в картвельских языках (чано-мегрельском) выступает обычно в конце глагола, а в армянском языке, как в начале глагола (в литературном арм. языке), так и в конце (в диалектах), или одновременно и в конце и в начале глагола (тоже в диалектах).

В армянском языке мы имеем параллельные глагольные формы с частицами, с одной стороны (սկոն „нужно“ > կոն >) կոյ > կր > կ- и, с другой стороны, (սիտի „должен“ >) տի > տր > տ-, так, напр., с одной стороны, существуют (в определенных диалектах) տ-երթամ < տր-երթամ < տի-երթամ < սիտի-երթամ „должен идти“ и, с другой стороны, կ-երթամ (< կր-երթամ < կոն-երթամ < կոյ-երթամ < *կոն-երթամ < *սկոն օրթամ „должен идти“). Так, напр., տր-ամ и կր-ամ „(я) должен дать“, տր-գարնիմ и կր-գարնիմ „(я) должен ударить“, տ-ասիմ и կ-ասիմ „(я) должен сказать“... и т. д.

Таким образом, отглагольные частицы: կ- || կր- и տ- || տր-, которые сегодня в арм. языке представляют смысловые эквиваленты (я в начале тоже имели одно значение „должен“), как видно, происходят от разных (но имеющих одинаковое значение), отдельных слов, которые, как независимые слова, будучи скрещенными и вошедшими через отдельные языковые группы, и по сей день, в той или иной мере, сохранились в различных группах (слово օյրն „нужно“ в картвельском языке, а սիտի „нужен“ в армянском). Эти независимые слова с течением времени, теряя свою независимость, появились, во-первых, в роли вспомогательных слов, а затем, меняясь фонетически, превратились в глагольные частицы, для определенных языков и их отдельных групп. Эти частицы впоследствии,

соответственно различным языкам и их группам, нашли своеобразное понимание и распространение в армянских и картвельских языках (§§ 127—128). Подобно этому, оканчивание 1-го лица *-d<*d* произошло от местоимения *ǝ* „я“ = *ǝb-ǝ* „мы“ (сравни. арм. *դու* „ты“ || *դու-ք* „вы“. § 126) .. и. т. д.

Такого рода морфологические переходы имели место во всех фазах развития языка, начиная с первого момента проявления человеческого мышления. Без этих сдвигов не было бы движения мышления и языка.

ЧАСТЬ II-я

Армянский язык, как язык, родственный грузинскому языку (что произошло путем сближений, схождения и скрещений)¹, имеет с ним много общностей, так как с точки зрения индоевропейцев, арм. и груз. языки, принадлежащие к различным языковым „семьям“, то и эти общности в их исследованиях „истолкованы“ лишь как заимствования“. Поэтому часто одни и те же слова различные ученые индоевропейцы приписывают различным языкам. Так, например, по *Р. Ачаряну* из армянского языка перешли в грузинский *կալ* „гумно“, *ննի-ննի* „гнить“, *լորձի* „слизь“, *լոց-լոցի* „ранить“ т. д. между тем, те же самые слова по норвежскому востоковеду лингвисту *Н. Vogt-у* считаются, наоборот, перешедшими из грузинского в армянский.

Такие противоречия, безусловно, неизбежны, если мы будем объяснять общности арм. и грузинского языков лишь переходом (или заимствованием) от одного языка к другому, если мы обойдем то историческое родство между арм. и груз. языками, которое создалось между ними с давних времен, в процессе их образования (во время сближения и схождения) предыдущих языков, путем скрещивания и интеграции.

Часть этих общностей нам удалось осветить, в той или иной мере, через один или другой язык; данный язык, как видно, и по сей день, в большей или меньшей мере, сохранил древнейшие пережитки этих общностей, следы

¹ См. введение к этой книге: а) *Родство закавказских языков*.

тех древнейших языков, которые скрещивали данное слово, являясь общим и для родственного ему языка. Следовательно, рассматривая то или иное слово в свете данного языка, мы не можем считать его заимствованным из этого языка.

К общим словам принадлежат, например, в арм. яз. слово *դավա*, которое сохранилось во второстепенном смысле, в смысле „местности, края, страны“, а в грузинском (в картвельских языках) в первичном смысле, а именно в смысле: „род, племя, народ, поколение, дом, семья“. Так, напр., *զօ՛ւօ* по груз. означает „народ (|| племя, род) || фамилия“; от фонетического изменения этого: *զօ՛ւօ* (с переходом *զօ>ո*), напр., на тушинском *զօ՛ւօ* означает „народ, разряд, племя, род, дом, семья“, от которого на груз. *հօ-զօ՛ւ* || *հո-զօ՛ւ* (срав. арм. *հնչ-ցեալ > քնչ-ըլ*) „как, каким образом“... и т. д. Ясно, что грузинские значения первичны (и что они показывают этнические имена, „народ, племя, род“...), а арм. значения „вторичны“: совершен переход, от названия „племени“ к названию „места“ [(„края, области“), что обыкновенно происходит в языке, как, напр., слово *Հայ-ք* сперва означало „армяне“, как *этнос*, а затем „Армения“, а именно место их жительства; *Վեր-ք* сперва означало „грузины“, а затем „Грузия“, т. е. место жительства грузин... и т. д.].

Это отнюдь не означает, что это слово *դավա* „область“ с грузинского перешло в армянский. Фактически это одно из общих, скрещенных слов, имевших, вероятно, один и тот же источник.

Армянскому числительному *երկու* (|| *երկո* || *երկի*) „два“ в морфологическом отношении эквивалентно картвельское слово *ერ-ჟე* || *ერ-ჟე*. По составу это удвоенное слово, состоящее из двух равноценных частей *ერ+ჟე>ერ+ჟე*. Первая **ერ<օր* сохранена в чано-мегрельском (оно = груз. слову *ორ-ო* „два“), первому присоединено, сохранившееся на сванском *ჟე>ქ* „два“, от которого сванское *ერ+ჟე-და>ერ+ქ-და* „два, оба вместе“, которое, как видим, составное.—удвоенное слово (с частицей *-და*); основа слова суть *ერქ* (*ერქი*) > *ერք*, которое, безусловно,

тождественно армянскому слову *երկու* „два“, но это опять не означает, что арм. *երկու* „два“ перешло в армянский из картвельского языка.

Корень арм. слова *եղ* „один“ есть *q* || *qsh*, что сохранился в ряде кавказских языков, как, напр., на абхазском *бг-бг* „один“ (или же *бг-ба* „одиннадцать“), на убыхском *ба* „один“ (или *ба-ба* „одиннадцать“), на адыгейском *бгг* || *ба* „один“ (или *бгггг-ба* „одиннадцать“), на кабардинском *бг* || *ба* „один“ (или *бгггг-ба* „одиннадцать“), на цахурском *ба* „один“, на табасаранском *ба-а* = *ба-б* „один“, на рутульском *ба* || *ба-а* „один“, на джекском *ба-а* || *ба-б* „один“, на бутухском *ба-а* „один“... и т. д. Но это вовсе не означает, что арм. слово *եղ* „один“ заимствовано от картвельских языков: оно принадлежит к общему субстрату.

Армянскому слову *խոփ* „плуг“ морфологически эквивалентно груз. слово *ხოფ-ო*. Армянское слово *խոփ* означает „железные части сохи или плуга, 2. железный кол“ (по арм. сл. *Առձևն*), а по груз. *ხოფ-ო* означает „весло лодки“ (по груз. сл. С. Орбелиани). Другая морфологическая разновидность его на грузинском должна быть *ყოფ-ო* || *ბ-ყოფ-ო* „разделяющий, разъединяющий, отрывающий“, от которого *ბ-ყოფ-ო* „разъединяющиеся палочки“... и т. д.

Опять трудно сказать, что армянский язык перенял это слово из грузинского. Это опять из общего субстрата.

Корень арм. слова *ծար-տի* „жаждущий“ есть *ծար-* (с частицей *-տի*, как, напр., некоторые названия мест *Թեղ-տի* „место, покрытое вязами“, *Հճ-տի* „каменистое место“, *որդի-տի* „червивое“, также *սոփ-տի* „меньший“, *հարկ-տի* „нужный“, *սոճկ-տի* „тоскливый“... картвельский *ჭოჭ* > *ჭო* → **ჭო-ბო-ო* || *ჭო-ბო-ო* „шкура“... и т. д.), от которого *ծար-տի* + *տի* в смысле „безводное (место)“, *ծար-տի-რ* в смысле „жаждущий, не имеющий воды“... и т. д., т. е. все слова, связанные с понятием „вода“ (не имеющий воды, жаждущий воды). Этот самый корень *ծար-* „вода“ сохранен и в картвельских языках, как, напр., чан. *ჭარ* || *ჭარ* „вода“ (в атинском наречии чанского языка), откуда на груз. *ჭარ-ტუბა* „наводнение“, мегрельское *ჭუარ* „вода“, от которого на груз. *ჭუარ-თ* „источник, вода“... и т. д. Отсю-

да следует, что корень *ძარ-*будучи общим, сохранен в картвельских языках (*წყალ-* || *წყარ-* || *წყარ-* ||) *წყარ-* „вода“ и в арм. *ძար-* *ში* „жаждущий воды“ (как это видим и в грузинском, напр., *წყ-* || *წყ-ურ* „вода, жаждущий“, напр.. груз. *მ-წყ-ურ-ო* „хочу пить“...) и т. д.

Откуда куда перешло это слово, трудно определить; оно является общим для обоих языков.

К общим словам принадлежит и арм. *ծիր* „круг, окружность“=груз. *წრ-ე* „описать круг, круг“, от которого груз. *წრ-ა* „описать круг, очертить, писать“... и т. д.

Арм. слово *ծիրան-ի*, которое означает „красный цвет, смешанный с желтым, подобно абрикосу, розовый, золотистый, фиолетовый, цвета морской пены, небесный“ [(по арм. сл. *Առձևն*), отсюда *ծիրան-ածաղիկ* „с красными цветами“, *ծիրան-ածաղր* „с красными или золотистыми концами“ *ծիրան-ափան* „абрикосовый, приятно-красный“, *ծիրան-աներկյալ* „окрашенный в абрикосовый цвет, абрикосового цвета“... и т. д.] то же, что и сохраненный в сванском (в лентехском наречии) *წრან-о* || *წრან-о* „красный“ || *ბა-წრან-о* „красноватый“ и груз. *წითელ-о* „красный“.

Здесь также трудно сказать, откуда куда перешло слово, ибо они—общность.

Арм. *կին* || *կին-ք* „под ногой и след“ (по арм. сл. *Առձևն*), откуда *կր-կին* (<**կիր-կին* „два раза“. || *կր-կն-ել* „повторить“), *դ-կն-ի* || *կն-ի* „сзади, вслед“ (напр., в выражении *կնի երթալ* „итти вслед“), то же самое, что и мегрельский *კობ-о* „след“, *კობ-თბ* „затем, после“ и т. д. Здесь от корня *կին* || *կინ* → *კინ* груз. *უ-კუ* „назад“ (напр.: *უ-კუ ადრ* „отбросил назад“), *უ-კუ-ებ* „назад, обратно“, *კუ-ალ-о* „след“ > *კუ-ლ-ავ* „опять, дважды, вновь“, *კუ-ლ-ევ-ა* „исследовать“, *უ-კუ-ე* „следовательно, уже“... и т. д.

От корня *კრ* образовались *კრ-ა* „резать, тесать“, отсюда *მ-კრ-ავ-о* „резец, режущий“, *ბა-კრ-о* „подлежащий резанию“, *კრ-ალა* || *ხე-კრ-ა* „дятел“, а также *კრ-о* „мера сыпучих тел“, которая, напр., в Кахетии означает „большую посуду, сделанную из дерева, вроде бочки, где хранят злаки, или пастухи хранят сыр“, а затем „улей, тоже из дерева с вынутой сердцевинной“, а отсюда *კრ-ობ*

ჭობჭობი „маленькая мельница, которая имеет большой бак, выдолбленный из ствола дерева—вроде водохранилища, откуда вода при выходе вращает колесо мельницы“, или же ჯრდ-ის წყალი || ჯრდ-ა „источник, где рядом находится выдолбленная из ствола дерева большая посуда, собирающая ключевую воду“, а также ჯრდ-ობ-ა „небольшая мера сып. тел“ от слова ჯრდ-ა... и т. д. Таким образом, груз. корень ჯრდ связан вообще с действием „резания“ и означает или „вырезать“ (действие) или же „что-то вырезанное“ (например: „ствол с вынутой сердцевинкой“). Это, безусловно, тождественно арм. корню *կրտ*, от которого *կրտ-որ-ալ* „дробь“, *կրտ-որ* || *կրտ-որ-ել* „дробить“, *կրտ-ր-ել* „ломать“, *կտ-ր-ել* > *կրտ-ել* „резать“ (с перестановкой *р*, что обыкновенно встречается в арм. яз. сравн. *կծ-ել* || **կծ-ր-ել* > *կրծ-ել* „грызть“, *կծ-ել* || *կծ-ր-ել* > *կրճ-ել* „скрежетать“, *ճղ-ել* || *ճղ-ր-ել* > *ճրղ-ել* „разорвать“ в карабахском наречии... и т. д. Здесь в общий корень *կրղ-* || *կրտ-* в арм. слились частицы: *-որ* || *-ր* (сравни *համ* „единный“ → *համ-որ* „том“, *բեկ* „ломаный“ → *բեկ-որ* „лом“, *բնդ-ել* „стегать“ → *բնդ-որ-ել* „стягивать“... и т. д.); но опять-таки трудно определить кто у кого заимствовал.

К общим корням принадлежит также корень *ճեղ-* || *ճել-*; сперва было *ճել-*, что сохранилось в грузинском *ჭელ-ა* в смысле „срубленное дерево“. Это, безусловно, первичное значение (т. е. „дерево, дрова, бревно“), которое затем перешло в другое, т. е. от первоначального понятия „дерево, дрова, бревно“ (через арм. собирательную частицу *-ան*) перешло к такому слову, которое показывает собирательность. Так, например, *ճել-* || *ճեղ* → **ճեղ-ք* || *ճեղ-ան* „потолок, крыша“ (которая собрана из деревяшек, обрубков бревна“ т. е. путем их соединения). Первоначально оно должно было означать „срубленные деревья, бревна“, как собирательные предметы, а затем то место, где собраны эти предметы. [Такие смысловые переходы очень обычны, в особенности в названиях мест (топоним), напр., *თიხაქ-ք* сперва означало „грушевые деревья“, а затем место, занятое под множество деревьев. *Այր-ք* || *Այր-իր* сперва понималось „пещеры“, а затем „место, занятое под пещеры“.

Հայ-ի первоначально — „армяне“, а затем „место, населенное армянами“ (Армения); *Որդն* — сперва понималось „черви“, а затем „червивое место“... и т. д.].

Видоизменение груз. *ჭეღ-* „срубленное дерево, бревно“ есть на чан.-мегрельском *ჯა-* || *ჯაღ-* „дерево“, отсюда арм. *շիվ-նի* в смысле „посох, палка“ (через частицу-*նի*, как, напр., от чанского слова *լոջ-* || *լոջ-* „собака“ = арм. *լիվ-նի* „щенок“ и т. д.).

Корень арм. слова *սիր-ալ* „бегать, итти“ есть *սիր-* с изменением *սիր-*, откуда груз. *სულ-ა* || *შა-სულ-ა* „итти“, *შა-სულ-ო* „прошедший“, *შა-სულ-ი* „дошедший“... и т. д.

Подобных слов много приведено во II-ой части данной книги. Среди многочисленных сходных форм арм. и груз. языков иногда удается осветить то или иное слово средствами данного языка, но это отнюдь не означает, что слово заимствовано из данного языка. Такие слова родственны как одному, так и другому языку, с той только разницей, что первый сохранил в себе более древние смысловые пережитки. Иначе говоря, это такие общности, которые, как говорит Н. Марр, исходят из доарийских (яфетических) языков. Так называемые яфетические языки, безусловно, являются основным источником общих слов арм. и груз. языков, который образовался из скрещения многочисленных предыдущих языков (сегодня больше не существующих), хотя пережитки их живут, в той или иной мере, в арм. и груз. языках. Таким образом, этот источник не армянский и не грузинский, а общий для обоих языков.

С другой стороны факты часто говорят против той точки зрения, согласно которой, часть общих слов арм. и груз. языков, которые, в той или иной мере, связываются с так называемыми индоевропейскими корнями, считаются заимствованными из армянского. Не так обстоит дело, когда мы рассматриваем общности арм. и груз. языков. Не так, например, в словах, означающих рогатых животных „коза, козлик, овца, ягненок“... и т. д. Общий корень в картвельских языках *აჩქ-* || *აჩ-* (> *ჭჩქ-* || *ჭჩ-*); на чанск. *ჭოჯ-ობ-ი* „козлик“ = груз. *ჭოჯ-ობ-ი* || *ცოჯ-ობ-ი* „козочка, козлик“.

а также խոր-ոջ-ո „серна“, $\text{զա-ոջ-ո} > \text{զа-ո}$ „козел“, потом ձա-ոյ-սե-ո или ձա-ոյ-ո „молодая коза, козочка“ (а на гуррийском означает „детеныша домашнего животного, рожденного осенью“); есть также и мегрельское ձա-ոյ-ո || ձա-ոյ-ս ($< * \text{ձա-ոյ-սե-ո} >$) ձա-ո-ս „однолетняя коза“... и т. д.

Этот самый корень распространен и среди других кавказских языков, напр.: на черкесском тэжэ-мбэ „баран или козел“ (первая часть тэжэ-о „коза или овца“, а вторая часть $\text{мбэ} || \text{бэ}$ „самец“), на чеченском-кистском-цовском о-т-о-о „отец“ $< \text{о-о-тэжэ-о} || \text{о-о-тэжэ-о}$ „самка“, но за-о-о-о „самец“... и т. д.

Они все выражают понятие вообще животного („козы, козла, козленка, овцы, ягненка... и т. д.“); корень слова տիկ (|| տիկ) || տիկ (|| տիկ) || տիկ (|| թիկ- || յիկ-), что тождественно армянскому корню տիկ || տիկ ($\rightarrow \text{տիկ-ճար}$); встречается и в индоевропейских языках diga , ziga „коза“, zicki „козленок“, zige , ziege „коза“, tissen „козлик, козочка“ и т. д. (см. Арм.коренной словарь Р. Ачаряна под словом տիկ).

Как видно из эквивалентных слов кавказских языков, арм. корень տիկ || տիկ- вначале должен был иметь то же значение, какое имеют упомянутые слова, выражая вообще понятие животного („козы, козла, козленка, овцы, ягненка“) а затем понятие шкуры, содранной с животного, что и по сей день, по-моему, сохранено в определенных арм. выражениях: напр. когда говорим $\text{կարագ ա. պանիր տիրով}$ „сыр и масло в мехах“, или же арм. пословица $\text{հին ա. մկորը շան տիր մեջ}$ „мед и масло в собачих мехах“, ясно, что здесь слово տիկ „мех“ не понимается как мех, приготовленный непременно из козьей шкуры (а вообще мех, сделанный из шкуры животного).

Вместе с разнообразием значений слова տիկ кавказские языки сохранили также первоначальное общее значение для животного вообще („козы, ягненок, овцы“...).

В армянском же языке совершился переход от первоначального понятия животного на его часть, т. е. шкуру животного.

Этот корень տիկ || տիկ- , безусловно, имеет местное происхождение, который, как один из общих корней, сохра-

нен в армянских и кавказских языках, откуда, повидимому, и перешел в так называемые индоевропейские языки.

Этот общий корень *mrh* || *mr-* (|| *prh* || *grh*) усложнен различными частицами, арм. *mrh* „бурдюк“, *mr-hpr* „бурдючок“ с частицей *-hpr* (сравн. *mrn-hl* || *mrn-hpr-hl* „мять“) и в груз. формах: *mrj-ab-o* (|| *mrj-ab-o* || *grj-ab-o* || *gr-jrj-o*) || *dr-jrj-o* || *dr-jrj-o* <**dr-jrj-ab-o*> *dr-jrj-ab-o*. В этих формах есть частицы двух видов, префиксы: *gr-* и *dr-*, которые были некогда показателями грамматического рода или класса (как истолковывает ак. Ив. Джавахишвили)¹ и суффикс: *-ab*, который является общей частицей в арм. и груз. языках.

После всего этого можем ли мы утверждать, что слово *mrh* „бурдюк“ перешло в грузинский из армянского (что можно было предположить, исходя из т. н. индоевропейского происхождения слова *mrh*), конечно, нет. Это, безусловно, одно из общих слов армянского и грузинского языков.

Подобные схождения в арм. и груз. языках идут с древних времен. Но арм. и груз. языки, естественно, не могли быть изолированными от других (соседних) языков. Политические и культурно-экономические связи, в особенности, между находящимися на равной ступени развития языковыми коллективами, всегда неизбежны. Эти связи, прежде всего, отражаются в переходах и заимствованиях слов, что может совершаться непосредственно из языка в язык, или через посредство другого языка. Нет такого языка, который владел бы только „собственным“ лексическим материалом, независимым от других языков. Однако, лишь условно можно приписывать то или иное слово тому или иному языку.

Благодаря политическому и культурно-экономическому (непосредственно или через посредство) общению, армянские и грузинские языки часть слов переняли от иранских, семитических, греческих и других языковых групп, тем обогатив свой лексикон.

¹) Ив. Джавахишвили, Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. 1937 г., Тбилиси (на груз. яз.)

Это происходило в различные промежутки времени от различных языков и языковых слоев. Подобные общности между арм. и груз. языками являются сравнительно поздними, и в большинстве случаев происхождение их известно. К этим общностям относятся заимствованные общие корни и слова, сохранные, в той или иной форме, в арм. и груз. языках, которые проникли в эти языки уже после их образования в разное время.